

**ПРАВА**

**LAW**

УДК 321.001

Поступила в редакцию 24.05.2016

Received 24.05.2016

**Ж. И. Овсепян**

*Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону,  
Российская Федерация*

**ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ КОНЦЕПЦИИ СУВЕРЕНИТЕТА:  
КЛАССИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ И РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОГО ПРАВООПОНИМАНИЯ**

Представлены обзоры и характеристики особенностей методологий исследования суверенитета в классической литературе; подробно рассматриваются основные классические философско-правовые и теоретико-правовые научные концепции суверенитета (теории суверенитета абсолютного государства, демократические теории суверенитета, теории государственного представительства народного суверенитета, теория разделенного «по вертикали» суверенитета, теории государственного суверенитета как суверенитета целого, учение о формально-юридическом понимании суверенитета). Анализируются особенности методологии научного исследования суверенитета в современной российской науке (рассмотрение суверенитета, с одной стороны, как составной части теории федерализма, с другой – как составной части учения об общественном строе). Обосновывается авторская концепция суверенитета как естественного публичного права на основе следующих признаков: суверенитет идентифицируется со свойством статусов субъектов публичных правоотношений, суверенитет проявляется в представительной и непосредственной демократии, суверенитет – это состояние статуса субъекта власти, суверенитет характеризуется как определенное состояние отношений верховного господства, суверенитет может быть определен как свойство, не отчуждаемое от источника власти, по своему происхождению теория суверенитета является теорией отрицательной, так как ее целью служит определение статуса государства путем отрицания любой другой равновеликой государству социальной власти и ряда иных.

*Ключевые слова:* суверенитет государства, суверенитет права, суверенитет народа, научные теории суверенитета, естественное публичное право.

**Z. I. Ovsepyan**

*Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia*

**BASIC SCIENTIFIC CONCEPTS OF SOVEREIGNTY:  
THE CLASSICAL DOCTRINE AND THE DEVELOPMENT OF MODERN LEGAL CONSCIOUSNESS**

The article is dedicated to basic scientific concept of essence of sovereignty. In this article in detail is held analysis of philosophical and legal theoretical concept of sovereignty. Submitted overview following concepts of sovereignty: theory sovereignty of absolute state, democratic theory of sovereignty, theory representation folk sovereignty, teaching about formally legal understanding of sovereignty and others. Author analyses features understanding of sovereignty in modern russian legal science. Justified the author's concept of sovereignty as a natural public law on basis number of characteristics of sovereignty (sovereignty belongs subjects of public legal relations, carriers of sovereignty are subjects of authority, source authority can exist without sovereignty and others).

*Keywords:* state sovereignty, sovereignty of law, sovereignty of the people, the scientific theory of sovereignty, natural public law.

В современном (первое 20-летие XXI в.) мире в западных странах, да и в российском обществе, в том числе некоторыми представителями российского юридического сообщества, до недавнего времени (до европейского миграционного кризиса) высказывалось скептическое отношение к тематике суверенитета как к устаревшей конструкции, не соответствующей периоду глобализации. Однако масштабный миграционный кризис в Европе, связанный с наплывом сотен тысяч беженцев

и нелегальных мигрантов в Европейский союз (ЕС) из стран Северной Африки, Ближнего Востока и Южной Азии, расширение сети и активизация деятельности международных террористических организаций – как следствие ослабления государственности в Ливии, Ираке, Сирии, Северной Африке – заставляют переосмыслить прежние представления о соотношении международной и национально-государственной составляющих в мироустройстве нового периода. Становится очевидным сохраняющееся значение сильного, суверенного государства для гарантирования основных прав и свобод, в том числе важнейших из прав – права на жизнь, права на достоинство и др.; значение национальных институтов государственной власти, в том числе силовых структур; значение государственных границ и института гражданства, значимость национального права. Все это подтверждает, что глобализация не отменяет государства и государственные суверенитеты, соответственно, сохраняется актуальность теоретических, философских, политологических, исторических, юридических и иных научных исследований государства и суверенитета как свойства его силы. Вместе с тем актуальность исследований темы «суверенитет» связана не только с событиями нового времени, а имеет перманентный характер. Интересно отметить, что столетие назад (в начале XX в. – т. е. в период, предшествовавший глобализации) один из классиков российской юриспруденции Б. А. Кистяковский, применительно к практике России, также отмечал скептическое отношение ряда авторов к постановке вопроса об исследованиях теории суверенитета, соотношения государственной власти и суверенитета в то время. Обратим внимание, как современно замечание Б.А. Кистяковского о скептиках: они отрицали «научную правомерность понятия «суверенитет» и доказывали, «что оно должно быть изгнано из современной (начало XX в. – Ж. О.) науки государственного права, так как оно является пережитком государственных форм прошлого. Однако это устранение центрального объекта спора только видоизменяет саму проблему, но несколько не продвигает ее решения вперед» [1, с. 244]. Представляется, что столетие сомнений – это и аргумент против современного (начала XXI в.) скептицизма, и аргумент актуальности, и методология обращения к исследованию тематики суверенитета, предпринятому в настоящей статье. Современное правопонимание невозможно без обращения к классическим истокам, авторские систематизация и осмысление сути которых изложены далее.

**Основные классические философско-правовые и теоретико-правовые научные концепции суверенитета.** Категория «суверенитет» неразрывно связана с категорией «власть»: нет суверенитета вне или помимо власти и властеотношений, хотя может быть власть без такого свойства, как суверенитет. Этимологически понятие «суверенитет» происходит от латинского слова «supraneitas» (от «supra» – выше) и в буквальном смысле «обозначает то свойство власти, в силу которой она является “высшей”, – ее верховенство» [2, с. 279; 3, 596]. Является ли суверенитет свойством единоличной власти государственно-организованного общества? Только ли государства (государственной власти) либо также негосударственных сообществ людей или корпораций? Возможно ли идентифицировать суверенитет с субъективным правом либо это только публично-правовая категория? Достаточно ли ограничиваться только тезисом, что: Индивиду принадлежит свобода, а суверенитет – Государству?

В Европе, где в Средние века возникло учение о суверенитете, ответы на соответствующие вопросы давались и даются по-разному. Вместе с тем длительная, эволюционная история становления суверенитетов свидетельствует о естественной природе права суверенитета и модификации представлений, их «вызревании» в процессе государственно-правового развития общества. С учетом естественной (эволюционной) природы происхождения международно-правового института суверенитета решение современных проблем международной практики предполагает, помимо прочего, и обращение к истокам становления учения о суверенитете в контексте развития философских учений и общественно-политической практики.

В истории научно-исследовательской и практической актуальности вопросов суверенитета и сомнений относительно их актуальности можно отметить различные периоды.

**1. Теории суверенитета абсолютного государства.** Учение о суверенитете возникло в Европе в Средние века. Как следует из работ Г. Еллинека, Ф. Ф. Кокошкина (других авторов, изданных еще в конце XIX – начале XX в.), И. Д. Левина (60-е гг. XX столетия), в XIV–XV вв. в Европе воз-

ники три силы, которые стали оспаривать самостоятельность государства: христианская церковь, претендовавшая в тот период на большее политическое значение, чем государство; Священная Римская империя (созданная германскими королями), претендовавшая на идентификацию ее со «всемирным государством»; феодальная власть периода феодальной раздробленности. В соответствии с утвердившимися в науке представлениями, первоначально учение о суверенитете являлось политическим оружием государственной власти с указанными, соперничающими с ней общественными силами и было направлено на обеспечение процессов создания в Европе централизованных государств [4, с. 164–165; 5, с. 426]. Соответственно, первые исследования суверенитета связаны с его определением как неотъемлемого свойства государственной власти. В философской литературе различаются два понятия суверенитета: средневековое и понятие суверенитета эпохи Модерна. Так, М. М. Федорова отмечает, что «средневековое понятие суверенитета (встречающееся в политико-юридическом дискурсе уже в XIII в.) было связано главным образом с личностью правителя: суверен тот, кто не знает над собой никакой высшей власти. При этом оно применялось для характеристики властных полномочий как сеньоров, так и короля. Средневековому политическому мышлению была еще неведома публичная власть, обладающая монополией на господство над определенной территорией и, следовательно, монополией на подчинение подданных. Однако несмотря на то, что внутренняя противоречивость понятия «суверенитет» осознавалась средневековыми законоведами, противоречие это было разрешено только Современностью» [6, с. 137]. Различие средневекового и современного (периода с XVI в.) понятий суверенитета отражает существование системы, характеризующейся множеством центров решения, существование децентрализованного политического порядка в отличие от централизующей функции этого понятия эпохи Модерна. Суверенитет средневекового правителя сводился практически лишь к одному измерению – это был король-судья. Он был свободен лишь в принятии судебного решения в последней инстанции; во внутривластных делах он был связан обязательствами перед вассалами, во внешнеполитических – политическим могуществом Церкви. Король современного государства как воплощение государственного суверенитета был уже не только и не столько судьей, сколько законодателем и творцом политических и юридических норм [6, с. 138]. Так, в XVI в., во времена выхода человечества из средневековья, формирования централизованных государств (что достигалось за счет учреждения абсолютных монархий), в европейских странах была вызвана к жизни теория французского юриста Жана Бодена, согласно которой суверенитет безраздельно принадлежит королю. Особенность современного понятия суверенитета, отличающая его от средневекового, заключающаяся в тесной связи понятия суверенитета с нормативной функцией, для Ж. Бодена связана с правом монарха издавать законы, которые ассоциируются с первой, важнейшей функцией монарха, определяющей все прочие его полномочия. В духе идей, сформулированных Ж. Боденом и Т. Гоббсом, выдержано известное изречение, которое легенда приписывает французскому королю Людовику XIV (1638–1715 гг.), заявившему: «Государство – это я» [2, с. 733].

**2. Демократические теории суверенитета.** В XVII–XVIII вв., в период первых буржуазно-демократических революций и со времен появления конституционных государств, наряду с исследованием признаков суверенитета как неотъемлемого свойства государственной власти, был поставлен вопрос: является ли свойство принадлежности государственной власти единственным признаком суверенитета? Принадлежность государственной власти стала рассматриваться не только как одно из свойств суверенитета, в науке конституционного права стали различаться и ныне различаются, наряду с понятием «суверенитет государственной власти», следующие понятия: «государственный суверенитет», «суверенитет народа», «суверенитет нации». Создаются демократические теории суверенитета (Дж. Локк, Ж. Ж. Руссо), согласно которым источником и носителем суверенитета объявлялся народ как носитель «всеобщей воли». Народный суверенитет характеризуется как «конечный базис всякой государственной власти» [5, с. 443–444]. Демократические теории народного суверенитета периода XVII–XVIII вв., наряду с прогрессивными положениями, содержали и избыточно радикальные идеи о способах достижения (обеспечения) народом своего суверенитета. Известно, что соответственно идеям Локка и Руссо в Декларации независимости США 1776 г., принятой в период борьбы за независимость Североамериканских

Соединенных Штатов Америки против английского короля Георга III, и Конституции Франции 1793 г. закреплялось, соответственно, право народа на сопротивление угнетению, на восстание и др. В Декларации независимости США предусмотрено: «когда какая-либо форма правительства становится гибельной для... цели» обеспечения прав граждан, «то народ вправе изменить или уничтожить ее и учредить новое правительство, основанное на таких принципах и такой организации власти, какие, по мнению этого народа, всего более могут способствовать его безопасности и счастью» [7, с. 177]. Соответствующие идеи воспроизводятся порой и в Конституциях, принятых почти два столетия спустя. Так, в Основном Законе ФРГ 1949 г., в связи с его изменениями и дополнениями в 1968 г. закреплено, что: «Все немцы имеют право оказывать сопротивление всякому, кто попытается устранить» демократический социальный строй государства, «если иные средства не могут быть использованы» [8, с. 587]. Однако это единичные в мировой практике модели правового регулирования способов достижения (обеспечения) народом своего суверенитета.

**3. Теории государственного представительства народного суверенитета.** Составной частью учений о народном суверенитете являются научные теории и практика государственного представительства народного суверенитета. В ранних демократических теориях, по заключению известного российского исследователя теории суверенитета И. Д. Левина, «верховенство парламента, означающее, прежде всего, независимость от народа, становится догмой английского права, сформулированной Де-Лольмом в крылатой фразе о всемогуществе английского парламента: парламент все может – он не может лишь превратить мужчину в женщину и наоборот» [9, с. 21]. Мировая практика знает примеры не только прогрессивного, но и деспотического воплощения идеи народного суверенитета, в том числе в контексте его реализации через формы представительства – например, в якобинской Конституции 1793 г. во Франции. В современной практике демократических государств мира и современных научных теориях подтверждается роль парламентов как форм представительства народного суверенитета, хранителей демократии. Вместе с тем со времен перехода к всеобщему избирательному праву «хранителями» народовластия и формами представительства народного суверенитета выступают, по нашему мнению, и иные выборные органы публичной власти – прежде всего главы государств, замещающие свои должности на основе территориальных выборов избирателями.

**4. Теория разделенного «по вертикали» суверенитета.** В XVIII в., в связи с образованием Североамериканских Соединенных Штатов, в период движения к большему усовершенствованию этого Союза и, очевидно, для того, чтобы не вызвать оппозицию со стороны штатов (субъектов Федерации) к процессам большей консолидации, в научной доктрине подвергся обсуждению такой аспект в характеристике суверенитета государственной власти, как возможность ее деления между Федерацией и составными частями Федерации – штатами. В этом контексте со временем сложилось целое направление в исследовании суверенитета государственной власти. В частности, была создана теория разделенного «по вертикали» суверенитета [10, с. 33–34]. С тех пор не только в США, но и в европейских странах исследования суверенитета на определенное время оказались сосредоточены вокруг следующих вопросов: о принадлежности суверенитета Союзу либо членам этого Союза или о делимости (неделимости) суверенитета в федеративном государстве, об ограниченном и полном суверенитетах и др. Таким образом, со времени учреждения первых сложносоставных государств, исследования суверенитета преимущественно идентифицируются с теорией федерализма. По заключению одного из классиков российской науки Б. А. Кистяковского, сделанному им в начале XX столетия, научные исследования в заданном формате (в увязке с системой принципов федерализма) в XIX в. «были направлены в первую очередь и главным образом на анализ и точное определение понятия суверенитета» [1, с. 244]. По его оценкам, на начало XX в. «в этой части произведенную научную работу можно считать совершенно законченной и увенчавшейся полным успехом. Суверенитет теперь окончательно определен как высшая власть, юридико-догматическое понятие, которое не допускает никаких степеней и никаких делений. Понятия ограниченного суверенитета, уменьшенного суверенитета, полусуверенитета или делимости суверенитета сплошь противоречивы; а потому они непригодны для научного объяснения государственно-правовых явлений» [1, с. 244]. Однако этот прогноз

оказался преждевременным: в 90-х гг. XX в. в канун и после распада СССР и ослабления российской государственности (федеральной государственной власти) эта тема, которую Б. А. Кистяковский объявил закрытой еще в начале XX столетия, вновь стала остро дискуссионной. Пик активности дискуссий о признании теорий ограниченного суверенитета, уменьшенного суверенитета, полусуверенитета или делимости суверенитета республик в составе РФ был пройден в России уже на рубеже столетий – с 2000 г. в связи с началом процессов укрепления федеральной власти.

**5. Теории государственного суверенитета как суверенитета целого.** С конца XIX – начала XX в. в германской и российской науках государствоведения выдвигается концепция наиболее широкого представления о понятии суверенитет, при этом распространенной становится критика и монархических, и демократических теорий суверенитета. На волне этой критики наметилось третье направление в исследовании суверенитета, синтезирующее и модифицирующее оба предыдущих и всецело стоящее на позициях государственного суверенитета. Теории, соотносимые с третьим направлением в учениях о суверенитете, очевидно, можно именовать таким образом: «теории государственного суверенитета как суверенитета целого» или как «полноформатная» государствоведческая теория суверенитета. У истоков этих теорий – учение Гегеля о государственном суверенитете, согласно которому необходимо признать понятие «юридическая личность государства». В отличие от Гегеля его последователи (германская юридическая школа П. Лабанда – Г. Еллинека) считают, что государство – это не мировой разум, а «юридическое лицо, действующее через свои элементы (органы)». К элементам государства, согласно древнейшим теориям о государстве, относят три: население, территорию, власть. Все эти элементы рассматриваются как неразрывно связанные части (органы) государства. Как пишет Г. Еллинек, «отдельные элементы государства взаимно обуславливают друг друга и поэтому выделить один из них возможно только гипотетически, так как каждый из элементов предполагает все другие». Следовательно, суверенитет надо связывать с государством как единым целым, как единой юридической личностью, а не с отдельными его элементами (органами)». По мнению Г. Еллинека, при всем различии монархической и демократической теорий суверенитета, с государствоведческих (а не политических) позиций они стоят в одном ряду, поскольку каждая из них отождествляет суверенитет только с одним из элементов (органов) государства (монархом, парламентом или народом). В результате в процессе практической реализации соответствующих учений о суверенитете возникает «перекос», дисгармония во всей конструкции власти. Идея государственного суверенитета искажается: он выступает как воплощение личного суверенитета либо корпоративного (социального) суверенитета парламента или какой-то группы (слоя) людей. Поэтому монархические и демократические учения о суверенитете, разработанные в XIV–XVII вв., по заключению Еллинека, являются недостаточными для выяснения суверенитета государства. Еллинек замечал, что «даже в учении Гоббса, имевшем столь большое влияние, суверенитет государства совершенно поглощается суверенитетом князя... Не только абсолютный властитель Гоббса, но и наделенный деспотической властью парламент Блэкстона и, наконец, обладающий неотчуждаемой властью народ Руссо – относятся к одному и тому же циклу идей» [5, с. 450].

По нашему мнению, при оценках с позиций классических подходов к определению государства как единства трех элементов: территории, населения, власти, в этой триаде элементов государственную (публичную) власть можно считать системообразующим элементом. Народ, органы государства (глава государства, парламент), территорию государства объединяет то общее, что все они так или иначе связаны с государственной властью: являются либо источниками и (или) субъектами государственной власти (народ, органы государственной власти), либо объектами государственной власти (территория). Таким образом, государственная власть выполняет роль системообразующей «несущей» конструкции в системе государства, поэтому суверенитет должен быть приписан свойствам государственной власти. Вместе с тем суверенитет как свойство государственной власти дедуцируется на государство в целом, становится воплощением государства в целом, приобретает характер государственного суверенитета.

**6. Учение о формально-юридическом понимании суверенитета.** Важной частью рассматриваемой «полноформатной» государствоведческой (государственно-правовой) теории суверенитета

является учение о формально-юридическом его понимании. Согласно формально-юридическим подходам, суверенитет – это правовое всемогущество государства, но предполагающее способность государства к правовому самоограничению. Суверенное государство – это государство, способное к осуществлению свободного, учредительного конституционно-правового регулирования своего статуса, к самостоятельному установлению своих правовых границ. Авторами-теоретиками этого направления являются: в Германии начала XX в. – Краббе [11, с. 31, 47, 245], в России – государствоведы дореволюционного (социалистическая революция 1917 г.) периода: Ф. Ф. Кокошкин, П. И. Елистратов, Н. И. Палиенко и др.; в Австрии – венская государственно-правовая школа в лице Г. Х. Кельзена (1881–1974), других авторов. Ф. Ф. Кокошкин, П. И. Елистратов, в частности, обосновали идею «суверенитета права, верховенства безличных норм права» [9, с. 38]. Ф. Ф. Кокошкин, констатируя, что верховная власть ограничена правом, писал: «Над суверенной властью, действительно, не стоит никакой другой высшей власти, никакого лица, но над нею стоят безличные нормы права. Как и всякая другая власть, она основана на праве и ограничена правом. Но из всех, устанавливаемых правом, властей суверенная власть есть высшая» [4, с. 173]. Таким образом, речь, по сути, идет о провозглашении суверенитета права [9, с. 30].

Развивая германскую юридическую теорию, венский профессор Х. Кельзен пришел к заключению, что суверенитет государства – это свойство правопорядка. Х. Кельзен считал, что суверенитет не принадлежит ни нации, ни народу, ни даже государству. Он писал: «Только праву принадлежит суверенитет». В этой связи, в частности, по мнению Кельзена, «государство... как личность есть через познание права олицетворенное (персонифицированное) право» [12, с. 39]. Х. Кельзен сформулировал концепцию, согласно которой государство – это правопорядок, суверенитет государства – это свойство правопорядка, заключающееся в его «невыводимости» из другого правопорядка. В соответствии с учением Кельзена, «если данная норма не может быть выведена из какой-либо выше ее стоящей, если источник ее значимости заложен в ней самой, то она принадлежит к наивысшему, а следовательно, суверенному правопорядку» [9, с. 38–39].

**7. Особенности методологии научных исследований теории суверенитета в современной российской науке.** Особенность научных исследований теории суверенитета в российской науке с 60-х гг. XX столетия заключается в том, что они сформированы в двух контекстах: с одной стороны, как составная часть теории федерализма (научные концепции недопустимости национальной дискриминации, учения о национальном самоопределении в РФ через создание национально-культурных автономий, теории об ограниченном суверенитете республик в составе РФ); с другой – как составная часть учения об общественном строе (общественно-политическом строе, основах конституционного строя), согласно которым суверенитет идентифицируется с фундаментальным принципом конституционного строя государства и со всеми активными субъектами политики, являющимися составными подразделениями механизма осуществления государственной власти. Так, по определению профессора В. А. Ржевского, данному им еще в 60-х гг. XX в., общественно-политический строй как институт государственного (конституционного) права, как система основополагающих принципов политического, экономического и социального устройства общества является воплощением суверенитета народа [13–15]. Конструкция «общественный строй» (общественно-политический строй, основы конституционного строя) – это более широкий формат исследования, российский аналог (модификация) западной классической концепции триединой сути государства (как соединения таких минимальных признаков, как территория, население, власть). В его создании можно проследить и «след» марксовской теории «общественно-экономической формации».

В новейшей российской юридической литературе отдельными авторами высказывается наиболее широкая точка зрения относительно методологии научного исследования суверенитета (отождествляемого с государственным суверенитетом): «что государственный суверенитет является ключевой, несущей конструкцией конституционного права, закрепление и раскрытие которой – одна из главных задач данной отрасли права в целом», что это та идея, «которая пронизывает большинство конституционно-правовых норм, входящих в различные конституционно-правовые институты и даже подотрасли». Указывается, что «государственный суверенитет можно охарактеризовать как конституционно-правовой принцип, который формально закреплен лишь в ч. 1 ст. 4 Конституции РФ, однако фактически реализован в нормах, структурно входящих в состав мно-

гих институтов конституционного права (федеративного устройства, наименования государства, гражданства, общественных объединений, органов государственной власти и др.)» [16; 17, с. 19].

Суть еще одной методологической позиции, которая была сформулирована и в юридической науке советского периода, и все более утверждается в новейшей российской юридической литературе, заключается в следующем: «содержание принципа суверенитета исключает одновременное существование нескольких суверенных властей в одном государстве»; «суверенитет един, он не может быть разделен между народом, нацией и государством, это различные стороны одного и того же социально-политического и конституционно-правового явления»; «при этом именно суверенитет народа лежит в основе государственного суверенитета» [18, с. 341].

**8. Концепция суверенитета как естественного публичного права.** С позиций истории происхождения суверенитета и в контексте «наработок», представленных в различных теориях суверенитета, классических и современных научных исследованиях, эволюции цивилизаций, с позиций системного осмысления, есть основания для вывода, что возможен такой аспект в характеристике суверенитета, как его исследование в качестве сложносоставного субъективного права. Актуальными являются исследования признаков суверенитета как естественного права, принадлежащего государству в целом (как сложносоставному образованию, в единстве его элементов), как естественного права государства, т.е. права, имеющего публичное происхождение.

В государствоведческой и правовой науках разных стран и времен выделялись (выделяются в настоящее время) различный набор (перечень) признаков (свойств) суверенитета. Суммируя имеющиеся воззрения, можно дать следующие определения суверенитета.

1. В юриспруденции суверенитет идентифицируется со свойством статусов определенной категории субъектов конституционно-правовых и международно-правовых отношений, которые не могут быть специальными субъектами частно-правовых отношений, а являются преимущественно либо исключительно субъектами публичного права. В российской науке советского периода распространенной являлась идентификация суверенитета со статусами трех категорий субъектов, т.е. осуществлялось деление суверенитета на три вида: народный, национальный и государственный [19, с. 28]. Как указывалось, в научной литературе постсоветского периода все более поддерживается противоположная позиция, что следует говорить о различных аспектах *государственного суверенитета* как единого целого (в контексте Гегельянской концепции, получившей развитие в трудах Г. Еллинек, – государства как юридического лица) [18].

Согласно классической европейской концепции, «происхождение теории суверенитета надо искать в государстве, а суть народного суверенитета необходимо искать в установлении объема и границ единоличной (в историческом контексте – монархической. – Ж. О.) власти» [5, с. 444].

2. Суверенитет проявляется в различных, но взаимосвязанных формах, прежде всего представительной и непосредственной демократии.

3. Суверенитет – это состояние статуса соответствующего субъекта (института) власти, характеризующееся достижением им наибольших высот – верховенства в системах экономической (монополизация крупной собственности) и политической (государственной) власти в обществе. Как отмечал еще Ж. Боден, основатель анализируемой теории, суверенитет всегда означает превосходную степень в сфере обладания властью и в способности ее осуществления. По мнению В. С. Шевцова, верховенство является комплексным, сложносоставным свойством (понятием) государственной власти, в котором находит свое взаимное сочетание и согласование ряд суверенных свойств государственной власти. Суверенитет государственной власти включает все иные ее свойства (признаки), такие как единство, полновластие, неограниченность, самостоятельность и независимость [20, с. 31, 32]. Однако достижение высот, верховенство в иных системах жизнедеятельности общества (допустим, в экономической системе – монополизация крупной собственности и др.) свойств суверенитета не создает, но может создать основу для оппонирования государственному суверенитету.

В классической немецкой литературе, да и многими российскими специалистами, высказываются, однако, и иные мнения о соотношении верховенства и других признаков государственной власти. Так, еще Г. Еллинек замечал, что верховенство проявляется как приоритет государственной власти во внутренних отношениях, по сравнению с другими, входящими в состав государства

лицами. Между тем независимость как признак государственной власти «проявляется преимущественно вовне, в отношениях суверенного государства с другими державами» [5, с. 457].

4. Суверенитет характеризуется как определенное состояние отношений верховного господства – подчинения, право верховной государственной власти. Суверенитет – есть монополия, концентрация властного принуждения. Как писал Г. Еллинек, господствующая власть – это власть, не терпящая сопротивления: «Властвовать – значит повелевать безусловно и быть в состоянии принуждать к исполнению. От всякой власти подчиненный может уклониться, но только не от власти господствующей» [5, с. 415].

5. Суверенитет является постоянным качеством его субъекта (источника, носителя); суверенитет – это состояние, не ограниченное во времени. В свое время Ж. Боден указывал, что «временный правитель – не обладатель суверенитета, а лишь хранитель власти» [9, с. 19].

6. Суверенитет может быть определен как свойство, неотъемлемое, неотчуждаемое от источника власти.

7. Суверенитет предполагает свободу воли и самоопределения субъекта, являющегося источником и носителем суверенитета, а также деликтоспособность субъекта – носителя суверенитета, его способность нести ответственность перед источником верховной государственной власти. В то же время суверенитет означает полную ответственность субъекта – источника верховной государственной власти перед кем бы то ни было.

8. В числе отличительных признаков суверенитета называется полновластие, не ограниченность во власти субъекта, являющегося источником и носителем суверенитета. Суверенитет может быть определен как приоритет (монополия) во власти субъекта, являющегося, соответственно, носителем (источником) верховной власти.

9. Неотъемлемым показателем суверенитета государства (государственной власти) является независимость и самостоятельность государства (государственной власти) как субъекта (форм – воплощения) народного (классового в условиях авторитарных обществ) суверенитета. Как писали еще классики советского государственного права, суверенитет государства (государственной власти) проявляется в двух качествах: самостоятельности (но не независимости) внутри данной страны и независимости на международной арене [19, с. 29].

10. В «списке» признаков суверенитета указывается его неделимость, единство суверенитета. Однако есть и научные теории делимости суверенитета государства (государственной власти).

11. Суверенитет по своему историческому происхождению «есть представление политическое, лишь впоследствии превратившееся в правовое» [19, с. 421].

12. Суверенитет неразрывно связан с вопросом о соотношении государства и права. Со времени появления конституций суверенитет связан не с абсолютной, неограниченной властью государства (не ограниченной правом), а выступает как свойство правового государства [5, с. 463]. Неограниченность государственной власти надо понимать как неограниченность законодательной деятельности государства; как право государства осуществлять управление обществом через издание общеобязательных правовых актов, которые, помимо прочего, ограничивают и саму государственную власть. Как писал в свое время Г. Еллинек, «суверенитет есть не безграничность, а способность юридически не связанной внешними силами государственной власти к исключительному самоопределению, а потому и самоограничению путем установления правопорядка, на основе которого деятельность государства только и приобретает подлежащий правовой квалификации характер. Суверенитет... то свойство государственной власти, в силу которого она обладает исключительной способностью к правовому самоопределению и самообязыванию» [5, с. 463]. Г. Еллинек также отмечал, что «суверенитет означает невозможность быть юридически ограниченным, вопреки собственной воле, какой-либо другой властью государственного или негосударственного характера» [5, с. 463].

Таким образом, согласно учению Г. Еллинека, государство суверенно, поскольку имеет неограниченную правовую власть устанавливать правопорядок в обществе и определять свою компетенцию. Причем и эта неограниченность по ряду причин условна, поскольку, в частности, «всякое право делается таковым только благодаря тому, что обязывает» не только общество, которому адресовано, но и саму государственную власть, формирующую позитивное право [5, с. 464, 465].

И. Д. Левин в середине XX века также отмечал, что «суверенитет заключается не в нарушении права, а в свободном установлении своего права» [9, с. 135].

13. По своему происхождению теория суверенитета является «теорией отрицательной, целью которой служит самоутверждение государства» путем отрицания любой другой равновеликой государству социальной власти [4, с. 449]. Ф. Ф. Кокошкин, вслед за Г. Еллинеком, писал: «Понятие суверенитет... чисто отрицательное – суверенная власть есть независимая власть; над ней не стоит никакой другой власти» [4, 173].

14. Понятию «суверенитет» еще со времен Бодена и Гоббса и по состоянию на начало XXI века приписывается не только отрицательное, но и так называемое «положительное содержание». Под положительным содержанием суверенитета понимаются «суверенные права государства» либо иные представления. В частности, путем перечисления отдельных ее прав определял содержание суверенной власти Ж. Боден. К правам суверенитета Ж. Боден относил от пяти до восьми (по подсчетам разных исследователей его творчества) прав: право законодательства, право объявлять войну и заключать мир, право назначения высших должностных лиц, право верховной юрисдикции (суда в последней инстанции), право помилования, право решать вопросы жизни и смерти, право чеканить монету, взимать налоги и некоторые другие. При таком подходе «понятие суверенитет явно принимает наступательный характер, становится активной политической идеей» [5, с. 446–447]. Позднее попытки дать понятию суверенитета положительное содержание предпринимал и Локк в своей характеристике четырех властей, которые он различал в государстве – законодательной, исполнительной, федеративной власти и прерогативы (власть монарха) [5, с. 448].

В российской юриспруденции высказаны разные мнения по вопросу о том, что следует вкладывать в понятие «положительное содержание» суверенитета. Так, согласно одной позиции, суверенные права следует идентифицировать с компетенцией органов и должностных лиц государства; либо с тем, что «суверенные права составляют не всю компетенцию, а лишь ее ядро» [21, с. 40]. В соответствии с другой концепцией, к суверенным правам государства в условиях его федеративного устройства следует отнести «предметы суверенного ведения» этого государства» [21, с. 41–49; 14, с. 59–62]. Некоторые авторы считают, что суверенитет государства (и государственной власти) «реализуется через осуществление функций этого государства», имеет непосредственную связь с функциями государства [20, с. 41].

15. Укажем, что эта категория имеет определенную структуру. В структуре суверенитета следует различать: субъект, объект и суверенные права, составляющие содержание суверенитета.

16. Как отмечал Г. Еллинек, «весь процесс исторического развития современного государства из средневекового был внутренне связан с прогрессирующим познанием суверенитета» [5, с. 456]. При этом на всем протяжении мировой исторической практики идея суверенитета остается значимой в том числе и в ее понимании, которое справедливо усмотрел в этой идее основатель учения о суверенитете Ж. Боден: она была и остается «единственным средством установления (и сохранения. – Ж. О.) единства государства, спасения его от раздирающих междоусобиц» [5, с. 140, 141]. Однако если «исторически теория суверенитета склоняет к абсолютизму, к идее суверенной власти» [5, с. 140, 141], то позднее учение о суверенитете оказалось востребованным в контексте достижения целей и задач конституционных государств. Нормы о суверенитете составляют квинтэссенцию конституционного регулирования уже со времени появления первых буржуазно-демократических конституций, поскольку принятие первых в мировой практике конституций связано с целью установления народного суверенитета, народовластия, передачей высшей (учредительной) власти народу и органам народного представительства – парламентам, осуществляющим принятие законов как нормативных актов, превосходящих по их юридической силе и опережающих по времени принятия правовые акты глав государств и исполнительной власти. Вместе с тем цель сохранения единства государства и в новых условиях – признания народного суверенитета и прекращения абсолютной (суверенной) власти монарха – явилась причиной, вызвавшей к жизни конституцию как основной закон государства – юридическую форму закрепления (нормативно-правового обеспечения) единства государства в условиях провозглашения новой конструкции власти, основанной на принципах народного суверенитета и «разделения властей». Цель сохранения единства государства, на наш взгляд, и в современных условиях лежит в основе

формуліравання в конституцыях норм о суверенітэце, разлічных яго аспектах. Ідея суверенітэта складае прадмет ісклучітэльнага канстытуцыйнага (лібо спецыяльных актэв, імеючых канстытуцыйна-прававую прыроду – дэкларацый, харціяў) рэгуліравання. В сілу таго, што палажэньня о народным суверенітэце і дзяржаўным суверенітэце складаюць сутнасныя характэрыстыкі канстытуцый как віда істочніка (формы) права, прадстаўляюць сабой відаабразаючыя паказатэлы, адлічаючы канстытуцыю ад іных нарматывных актэв, саотвэтствуючыя нармы в савремених канстытуцыях явяляюць іх абязатэльнымі элемэнтамі. Однак працэсы глабалізацыі дэлаюць актуальнай разрабатку новай канцэпцыі канстытуцыйнага рэгуліравання дзяржаўных суверенітэтэв, котрая бы абеспечыла рэальную незавісамасьць дзяржаўства і народны суверенітэт в условіях шырокамасштабных міжнародных інтэграцыйных працэсэв.

17. Шырокую паддэржку, в том чысле на высокал офіцыяльным узрвнэ, імеет опрэдэлэнне суверенітэта как свободы. Так, Прэзідэнтэв Россійскал Фэдэрацыл В. В. Путыным в яго выступлэнні 2 октэбрэ 2015 г. на 70-л сэссіл Генэралнол Ассамблел ООН был дан такол рода отвэт о дэфініцыл понятыя «суверенітэт»: «Что такое дзяржаўственный суверенітэт, о котрол здэсь ужэ коллэгы гаворылі? Этэ прэждэ всэго впрос свободы, свободного выбора своел судьбы для каждого челоуека, для народа, для дзяржаўства» [22].

### Спісок іспользаваных істочніков

1. Кістыяковскій, Б. А. Філасофія і сацыялогія права / Б. А. Кістыяковскій. – СПб.: РХГІ, 1999. – 800 с.
2. Советскій энцыклопэдическій словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. – Изд-е 2-е. – М.: Сов. энцыкл., 1983. – 1599 с.
3. Большой юридическій словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутскіх. – М.: ИНФРА-М., 2001. – 704 с.
4. Кокошкін, Ф. Ф. Лекцыл по общему дзяржаўственному праву / Ф. Ф. Кокошкін. – М.: Зерцало, 2004. – 312 с.
5. Еллінек, Г. Общее учене о дзяржаўстве / Г. Еллінек. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. – 752 с.
6. Федорова, М. М. Суверенітэт как політыко-філасофская категория современиности / М. М. Федорова // Демократія как політыко-філасофская категория современиности (многобразіе історическог опыта). – М.: Ідея-Пресс, 2010. – 236 с.
7. Хрестоматія по всеобщей історії дзяржаўства і права : учеб. пособие / под ред. З. М. Черніловског ; сост. В. Н. Садыков. – М.: Гардаріка, 1996. – 413 с.
8. Конституцыл дзяржаўств Европы : в 3 т. – Т. 1 / под ред. Л. А. Окунькова. – М.: Норма, 2001. – 824 с.
9. Левін, І. Д. Суверенітэт / І. Д. Левін. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. – 375 с.
10. Тэпс, Д. Концэптуальныя основы фэдэралізма / Д. Тэпс. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. – 204 с.
11. Krabbe, H. Die Lehre der Rechtssouverenitat. Beitrag zur Staatslehre / H. Krabbe – Groningen, 1906. – 254 s.
12. Гурвіч, Г. С. Народ, народны суверенітэт і народное прадстаўітэльство в советскій сістеме / Г. С. Гурвіч // Сов. дзяржаўство і право. – 1958. – № 12. – С. 38–47.
13. Фарбер, І. Е. Вопросы теорії советског канстытуцыйнаг права / І. Е. Фарбер, В. А. Ржевскій. – Саратов : Приволж. кн. изд-во, 1967. – 19 с.
14. Ржевскій, В. А. Общественно-політыческій строй СССР как воплощене суверенітэта советског народа / В. А. Ржевскій, В. А. Рянжін, В. А. Сивов. – Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 1974. – 132 с.
15. Степанов, І. М. Советская дзяржаўственная власть / І. М. Степанов. – М.: Наука, 1979. – 148 с.
16. Горюнов, В. В. Суверенітэт Россійскал Фэдэрацыл : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / В. В. Горюнов. – Екатеринбург, 2007. – 237 л.
17. Дамдінов, Б. Д. Дзяржаўственный суверенітэт в сістеме прынцыпов фэдэратывног устројства Россії: некотрые прблемы теорії і практык / Б. Д. Дамдінов // Сібірскій юрид. вестн. – 2003. – №4. – С. 15–19.
18. Эбзеев, Б. С. Челоуек, народ, дзяржаўство в канстытуцыйном строе Россійскал Фэдэрацыл / Б. С. Эбзеев. – М.: Юрид. лит., 2005. – 576 с.
19. Сущность советског дзяржаўственног права : учеб. пособие / С. М. Равін [и др.] ; отв. ред.: С. И. Русінова. – Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1963. – 86 с.
20. Шевцов, В. С. Суверенітэт Советског дзяржаўства / В. С. Шевцов. – М.: Юрид. лит., 1972. – 264 с.
21. Шафір, М. А. Компетенція СССР і союзнол республік / М. А. Шафір. – М.: Наука, 1968. – 227 с.
22. Путин, В. В. Выступление на 70-л сэссіл ООН, 2 октэбрэ 2015г. [Электронны ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=7G47oJANA8>. – Дата доступа: 07.07.2016.

### References

1. Kistyakovskii, B. A. (1999) *Filosofiya i sotsiologiya prava* [Philosophy and sociology of law], RHSI, SPb, RU
2. (1983) *Sovetskii entsiklopedicheskii slovar'* [Soviet encyclopedic dictionary], Soviet dictionary, Moscow, RU
3. (2001) *Bol'shoi yuridicheskii slovar'* [Big legal dictionary], INFRA-M, Moscow, RU
4. Kokoshkin, F. F. (2004) *Lektsii po obshchemu gosudarstvennomu pravu* [Lectures on general public law], Zepcalo Publ., Moscow, RU

5. Ellinek, G. (2004) *Obshchee uchenie o gosudarstve* [General teaching about state], LC Press, SPb., RU
6. Fedorova, M. M. (2010) *Suverenitet kak politiko-filosofskaya kategoriya sovremennosti* [Sovereignty as political philosophical category of modern times], Idea-Press, Moscow, RU
7. (1996) *Khrestomatiya po vseobshchei istorii gosudarstva i prava* [Reader on universal history state and law], Gardarica, Moscow, RU
8. (2001) *Constitutsii gosudarstv Evropy* [Constitution state Europe], Norma, Moscow, RU
9. Levin, I. D. (2003) *Suverenitet* [Sovereignty], LC Press, SPb., RU
10. Teps, D. (2002) *Conceptual'nye osnovy federalizma* [Conceptual basics of federalism], LC Press, SPb., RU
11. Krabbe, H. (1906) *Die Lehre der Rechtssouverenitat. Beitrag zur Staatslehre* [The teaching of Rechtssouverenitat. Contribution to political theory], Groningen, DE
12. Gurvich, G.S. (1958) "People, people's sovereignty and folk representation in soviet system" *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [Soviet state and right], 1958, no. 12, pp. 38-47.
13. Farber, I. E. and Rzhetskii, V. A. (1967) *Voprosy teorii sovetskogo konstitutsionnogo prava* [Questions of theory soviet constitution law], PBP, Saratov, RU
14. Rzhetskii, V. A., Ryanzhin, V. A. and Sivov, V. A. (1974) *Obshchestvenno-politicheskii stroi SSSR kak voploshchenie suvereniteta sovetskogo naroda* [Public political formation USSR as translate sovereignty soviet people], RU Publ., Rostov-on-Don, RU
15. Stepanov, I. M. (1979) *Sovetskaya gosudarstvennaya vlast'* [Soviet state power], Science, Moscow, RU
16. Goryunov, V. V. (2007) *Suverenitet Rossiiskoi Federatsii. Diss. kand. yur. nauk.* [Sovereignty of Russian Federation. Dr. phys. diss.], Yekaterinburg, RU
17. Damdinov, B.D. (2003) "State sovereignty in system principles federated formation of Russia: some problem theory and practice", *Sibirskij yuridicheskij vestnik* [Siberia legal bulletin], no. 4, pp. 15-19.
18. Ebzeev, B. S. (2005) *Chelovek, narod, gosudarstvo v konstitutsionnom stroe Rossiiskoi Federatsii* [Man, people, state in constitutional formation of Russian Federation], Law lit., Moscow, RU
19. Rusinova, S. I. (ed.) (1963) *Sushchnost' sovetskogo gosudarstvennogo prava* [Essence soviet public law], LU Publ., Leningrad, RU
20. Shevtsov, B. S. (1972) *Suverenitet sovetskogo gosudarstva* [Sovereignty soviet state], Law lit., Moscow, RU
21. Sharif, M. A. (1968) *Competentsiya SSSR i soyuznoi respubliki* [Competence USSR and soviet republic], Law lit., Moscow, RU
22. Putin, V. V. "Appearance on 70 session of UN" Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=7G47oJJANA8> (accessed 7 July 2016).

### Информация об авторе

Овсепян Жанна Иосифовна – д-р юрид. наук, проф., зав. кафедрой государственного (конституционного) права юрид. факультета. УО «Южный федеральный университет» (ул. большая садовая, 105/42, 344006, Ростов-на-Дону, российская федерация). e-mail: Ovsepyan-G-I@yandex.ru.

### Information about the author

Ovsepyan Jeanne Iosifovna – D. Sc. (Law), Professor, Head of the Department of state (constitutional) law. Southern Federal University (M. Gorkogo Str., 88, 344002, Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: Ovsepyan-G-I@yandex.ru.

### Для цитирования

Овсепян, Ж. И. Основные научные концепции суверенитета: классические учения и развитие современного правовопонимания / Ж. И. Овсепян // Вес. Нац. акад. наук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2016. – № 4. – С. 99–109.

### For citation

Ovsepyan Z. I. Basic scientific concepts of sovereignty: the classical doctrine and the development of modern legal consciousness. Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus, humanitarian series, 2016, no. 4, pp. 99-109.